

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Товарищескій праздникъ.

Воспитанники LVIII выпуска Московской Духовной Академіи при окончаніи курса дали взаимное обѣщаніе собраться въ стѣнахъ Академіи по истеченіи десяти лѣтъ. Это обѣщаніе не осталось только мечтой.

Къ 25 іюня прошлаго года потянулись къ родной Академіи ея бывшіе питомцы LVIII курса съ различныхъ концовъ отчизны. Всего собралось 22 человекъ: Изъ Москвы—о. Архим. (нынѣ Преосв.) Модестъ, о. А. Н. Заозерскій, о. В. В. Знаменскій, А. Н. Спасскій, П. П. Головачевъ, Б. С. Пушкинъ, И. Н. Пятницкій; изъ подъ Москвы—П. А. Аванасьевъ; изъ Сиріи—о. Архим. Игнатій (Абуррусъ), привезшій, м. п., привѣтствіе Его Святѣйшества, Патріарха Антиохійскаго Григорія; изъ Витебска—о. Д. С. Богоявленскій; изъ Рязани—А. С. Смирновъ; изъ Бахмута—А. Д. Студенскій; изъ Переяслава Залѣскаго—Н. Л. Зеленинъ; изъ Острога—В. И. Муравьевъ; изъ Нолинска—П. Н. Евладовъ; изъ Самары—М. К. Алмазовъ; изъ Оренбурга—В. Я. Струминскій; изъ Херсонской губ.—К. Ѳ. Нечаевъ; изъ Иркутска—И. А. Аребева; изъ Вятки—П. С. Чулковъ; изъ Твери—П. П. Неклюковъ; изъ Красноярска—И. В. Фигуровскій и одинъ—Д. И. Орловъ—прибыль, когда большинство уже разъѣхалось изъ Академіи.

Предварительно собравшись въ Москвѣ, нѣсколько товарищей намѣтили программу празднованія. По традиціонному обычаю рѣшено было наканунѣ 25-го совершить поминовеніе почившихъ наставниковъ и товарищей. За десятилѣтній срокъ наши ряды уже успѣли порѣдѣть. Умерли по оконча-

ни Академіи: Вершинскій Г. П., Лепехинъ Н. В., о. Н. Н. Соловьевъ, Строевъ А. В., Успенскій М. П., Фіолетовъ С. В. Такъ какъ академическая церковь въ эту пору ремонтировалась, то, съ любезнаго согласія о. Архимандрита Товія, богослуженіе совершено было въ церкви митрополичьихъ покоевъ. Всенощное блѣдніе совершалъ о. Д. Богоявленскій, а на поліелей и парастасъ выходили всѣ товарищи священнослужители во главѣ съ о. Модестомъ. Чтецами и пѣвцами были остальные товарищи, да два-три случайно, кажется, зашедшихъ инока Лавры. Умилительную картину представляло это богослуженіе. Строгіе цѣнители пѣнія здѣсь встрѣтили бы, конечно, много шероховатостей, потому что разнообразіе мѣстныхъ напѣвовъ должно было давать себя чувствовать. Но за то здѣсь было много неподдѣльнаго чувства, молилась душа въ родной обстановкѣ, подъ кровомъ Препод. Отца нашего Сергія, и невольно сгибались колѣни и обращался взоръ горѣ, когда раздавались трогательныя: „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“. Здѣсь было наглядное подтвержденіе, что память о быломъ не умерла, что дороги намъ безвременно ушедшіе товарищи, что въ эти знаменательные дни, мы вѣрили, они незримо присутствовали среди насъ.

Позднимъ вечеромъ окончилось Богослуженіе. По установившемуся обычаю, родная Академія предложила намъ свою вечернюю трапезу. Тутъ впервые собрались въ полномъ почти составѣ съѣхавшіеся. Начались взаимные разспросы. Стали дѣлиться своими переживаніями. „Тогда считать мы стали раны, товарищей считать“. Какъ уже сказано выше, нѣкоторыхъ и не досчитались. Въ разговорахъ выяснялась и внутренняя фізіономія товарищей и обстоятельства внѣшней жизни. Общее впечатлѣніе—судьба улыбалась не многимъ. И на внѣшнемъ видѣ замѣтны слѣды пережитаго. У одного проглядываетъ сѣдина, у другого чело разукрашиваютъ предательскія морщины. Почти у всѣхъ сосредоточенное выраженіе. Не замѣтно беззаботнаго веселья, признака милой юности. Настроеніе сдержанное, но бодрое. Руки не опускаются еще въ безсильной борьбѣ. Пріятнѣе всего, что внутренній обликъ всѣхъ остался нетронутымъ. Идеалы, какіе воспитывались на школьной скамьѣ, еще не разбиты. Нѣтъ юныхъ восторговъ, но нѣтъ и разочарованія, апатіи.

Жизнь многих потрепала, для иных она была мачехой, разстроила семейныя радости, вырвала безжалостно из семьи самое дорогое. Но даже и эти, потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ жизни, не теряютъ мужества и бодро смотрятъ впередъ. Нужно сказать, что и на всѣхъ эти годы наложили печать. Десять лѣтъ—время, повидимому, очень малое. Но не слѣдуетъ забывать, что на эти годы падаетъ періодъ разрухи, который сильно отразился на тѣхъ, кто стояли у школьнаго дѣла. Объ этомъ времени съ полнымъ правомъ можно сказать: „такъ мало жито, такъ много пережито“. И думается, этотъ десятокъ лѣтъ нельзя измѣрять обычными годами:

Товарищеская бесѣда затянулась далеко за полночь. А съ ранняго утра стало наблюдаться вновь оживленіе. Кто подготовлялся къ богослуженію, кто дѣлалъ хозяйственныя распоряженія. Литургію совершали всѣ священнослужители, во главѣ съ о. Модестомъ. Пѣлъ небольшой хоръ изъ лаврской братіи, дополняемый нами. Во время запричастнаго о. А. Н. Заозерскій обратился къ товарищамъ съ такимъ словомъ привѣта.

„Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупу“.
(Псал. 132, 1).

Не разъ и не два мы слышали и сами произносили это прекрасное выраженіе псалмопѣвца: и насколько оно намъ привычно, настолько же и понятно. Вѣдь ясно для каждаго изъ насъ, что, дѣйствительно, нѣтъ большаго счастья и нѣтъ большей радости, какъ быть со всѣми въ дружбѣ и любви. Но эти слова были произнесены тогда, когда еще и не занималась на горизонтѣ нашей человѣческой жизни заря Христовой вѣры и любви, когда весь языческій міръ, этотъ, по выраженію Блаж. Августина, „градъ земной“, приходилъ какъ разъ къ обратному выводу и заключенію, къ тому, что homo homini lupus est. Теперь же, когда на землѣ среди насъ побывала Сама Воплощенная Любовь, когда мы узнали, что нашъ Господь, этотъ Грозный Судія и Мститель Вѣтхаго Завѣта, именно и носитъ это святое наименованіе, любовь и единеніе стали залогомъ счастья и Царства Божія на землѣ.

На самомъ дѣлѣ, что лежитъ въ основѣ всѣхъ формъ человѣческаго общежитія, будетъ ли то семья, племя, государство, городъ или союзъ, какъ не потребность людей въ любви между собою и взаимномъ единеніи? Чѣмъ бредить

соціалистическія теоріи и къ чему стремятся соціалисты практики, какъ не къ тому же единенію? Не на той ли почвѣ основана среди насъ и Христова Церковь, „Градъ Божій“ на грѣшной землѣ? Не оно ли, наконецъ, это единеніе, собрало и насъ сюда послѣ десятилѣтней разлуки? Чѣмъ иначе можно было бы объяснить нашъ сѣвздъ? Общностью интересовъ нашей службы и общественнаго положенія? Но... „кое общеніе монаха съ акцизнымъ чиновникомъ“. Можетъ быть, общность нашего семейнаго благополучія? Но въ то время, какъ одни изъ насъ наслаждаются семейнымъ счастьемъ, у другихъ оно еще въ перспективѣ, а у иныхъ уже и въ прошломъ. Можетъ быть, наконецъ, общіе интересы личной, интимной жизни, жизни понятій и убѣжденій человѣка? Но... лучше не касаться „святаго святыхъ“ человѣка, не копать въ его душѣ; да въ наше время и въ цѣляхъ большаго единенія, оно пожалуй, и не безопасно. Если во времена Христа Спасителя сердце человѣческое порождало „хулы, татьбы, любодѣяіе“ и прочее зло, то теперь къ этому послѣднему присоединились еще и политическія страсти, которыя не столько роднятъ людей, сколько рознятъ ихъ, не столько способствуютъ единенію и любви, сколько разоряютъ ихъ.

Нѣтъ, дорогіе друзья! Насъ сюда привела именно любовь и наши, не скажу товарищескія, а больше того, дружескія отношенія. Вѣдь мы пришли сюда, въ Академію, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ смотритъ на все чисто и радостно, когда всѣ тѣневныя стороны и штрихи окружающей жизни еле-еле бываютъ для него замѣтны. И неудивительно, если мы встрѣтили другъ друга такъ сердечно и искренно, оцѣнивъ взаимно качество и достоинство своихъ характеровъ, оставивъ въ то же время безъ вниманія всѣ недочеты и крайности.

Но вотъ прошло уже 10 лѣтъ, какъ мы, послѣ четырехлѣтней совмѣстной жизни, вновь разстались, а наши отношенія, повидимому, сохранили свою прежнюю силу и свѣжесть. Наша взаимная дружба, потребность единенія и любви сказались съ меньшимъ, если еще не съ большимъ чувствомъ. Доказательствомъ тому служатъ наши не прошенныя и тщетно подавляемыя въ присутствіи постороннихъ слезы. У насъ нынѣ по истинѣ великій праздникъ, день нашего не великаго по времени, но великаго по существу юбилея,

день самыхъ лучшихъ сторонъ, самыхъ звучныхъ струнъ человѣческаго сердца! По закону Ветхаго Завета, въ дни и годы юбилейные отдыхала плоть—человѣка то, или животнаго—и даже сама земля, теперь, въ Новомъ Заветѣ, должна отдыхать душа человѣка, какъ самое дорогое и безцѣнное въ мірѣ; и мы сегодня отдыхаемъ въ родномъ по духу кружкѣ именно душею.

Да не коснется же и впредь никакая скверна и пошлость житейская нашей золотой дружбы! Отсюда изъ стѣнъ дорогой намъ „almae matris“ мы вышли всѣ великими гражданами „града Божія“ на землѣ; понесемъ же и впредь высоко, высоко предъ Богомъ знамя свое, знамя любви и единенія. Взаимная дружба да усугубить счастье счастливымъ, да поддержитъ и укрѣпитъ несчастныхъ, да дастъ всѣмъ намъ вообще свѣтъ, теплоту и радость жизни! Любя другъ друга, мы научимся цѣнить и любить человѣка вообще, а любя послѣдняго, будетъ любить и Того, Кто есть Любовь. „Господь, училъ св. отецъ (Блаж. Августинъ),—это центръ, а люди радіусы, идущіе изъ него, и по мѣрѣ того, какъ кто приближается другъ къ другу, приближается невольно и къ Самому Богу“.

Послѣ литургіи отслуженъ благодарственный молебенъ, при чемъ, послѣ обычныхъ многолѣтствованій, о. Архим. Модестъ провозгласилъ многолѣтіе Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Новгородскому, Преосвященному Евдокиму, Епископу Каширскому, Наставникамъ Академіи и ея питомцамъ LVIII выпуска. Дружнымъ „многая лѣта!“ покрыто было это возгласеніе. Послѣ молебна всѣ присутствующіе сочли долгомъ лично поблагодарить о. Намѣстника Лавры и о. Инспектора Академіи, Архимандрита Анатолія. (Преосвященнаго Ректора въ Академіи въ эти дни не было).

Въ 12 часовъ началась, если такъ можно выразиться, официальная часть празднованія. Во время завтрака, инициаторъ съѣзда П. С. Чулковъ обратился къ товарищамъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „За 10 лѣтъ нашего плаванія по бурному житейскому морю много воды утекло въ безбрежный вѣчный океанъ, много штормовъ и бурь пережили каждый изъ насъ, много разочарованій омрачило наши юношескія свѣтлыя мысли, фактически убѣдивъ насъ, что страстно любимая всѣми нами жизнь не есть сплошной цвѣ-

тущей кустъ, что подъ благоухающими красивыми цвѣтами этого куста номѣщаются острые колючіе шипы, пронизывающіе мускулы до костей, терзающіе защищенные, и. повидимому, недоступные имъ органы—нашу душу и сердце. Много измѣнилось за эти 10 лѣтъ, но... хочу надѣяться и вѣрю, что не измѣнился нашъ добрый девизъ: идти впередъ къ свѣту и знанію, служить вѣчной правдѣ и добру“.

Дружнымъ—ура! покрыть былъ этотъ тостъ.

Въ 3 часа дня назначена была братская трапеза, на которую приглашено было академическое начальство, всѣ бывшіе наставники и служившіе въ Академіи въ годы 1899—1903. Къ сожалѣнію, не всѣ могли посѣтить нашу скромную трапезу. Однихъ въ этотъ день не было дома, другіе отвлечены недосугами, третьимъ воспрепятствовало нездоровье. За обѣдомъ сказано было много сердечныхъ пожеланій. Переживалось бывшее. Вспоминали нашихъ наставниковъ. Единодушно постановили послать телеграмму бывшему нашему Ректору, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Новгородскому. Вотъ текстъ этой телеграммы: „Собравшіеся, по истеченіи десяти лѣтъ по окончаніи курса, питомцы Московской Академіи LVIII выпуска шлютъ вамъ и въ Вашемъ лицѣ своимъ воспитателямъ и наставникамъ искренній привѣтъ. Миръ почившимъ, здравіе и долгоденствіе живущимъ“.

Теплыя рѣчи обращены были и по адресу дорогой намъ Академіи, которая, какъ высказалъ И. А. Арэфьевъ, научила насъ сознательно относиться къ окружающей жизни, сформировала наши убѣжденія, создала извѣстное міросозерцаніе, воспитала въ насъ такую любовь къ себѣ, что, и по выходѣ изъ школы, мы всегда переживаемъ и всѣ ея радости и скорби. Выражено было искреннее пожеланіе, чтобы традиціи старой деревенской Академіи, какъ самое дорогое наслѣдіе, сохранены были и теперешней Императорской Академіей.

Съ глубокимъ вниманіемъ и благодарностью выслушали мы привѣтствія и пожеланія нашихъ учителей,—глубокоуважаемыхъ А. Д. Бѣляева и С. С. Глаголева.

Въ концѣ товарищеской трапезы пожелали бодрости душевной тѣмъ товарищамъ, кто перенесъ особенно тяжелыя потери. Въ заключеніе прочитаны были привѣтственныя телеграммы отсутствующихъ товарищей:

Изъ Прилукъ: Душой участвую въ вашемъ собраніи, сердечно привѣтствую дорогихъ товарищей, очень сожалѣю, что не могу присутствовать. *Тулицкій.*

Изъ Ялты: Привѣтствую собравшихся товарищей, жалѣю, что не могъ лично засвидѣтельствовать одушевляющія меня товарищескія чувства. *Славгородскій.*

Изъ Волочка: Привѣтствую товарищеское собраніе; ночью буду въ Москвѣ, надѣюсь увидѣть. *Орловъ.*

Послѣ братской трапезы товарищи отправились въ Троицкій соборъ, гдѣ о. А. Н. Заозерскій отслужилъ молебенъ у мощей Препод. Сергія.

Вечеръ рѣшено было посвятить дружеской бесѣдѣ и рѣшенію вопроса о томъ, чѣмъ ознаменовать настоящій товарищескій праздникъ. Дѣлались различныя предложенія. У большинства мысль невольно останавливалась на оказаніи помощи семьямъ умершихъ товарищей. Долго не отливало это желаніе въ опредѣленныя формы. Радостная вѣсть о прошедшихъ черезъ законодательныя учрежденія новыхъ штатахъ духовноучебныхъ заведеній дала поводъ нѣкоторымъ внести предложеніе объ организаціи особаго фонда LVIII курса для вспоможенія товарищамъ и ихъ семьямъ. Послѣ долгихъ преній выработано было положеніе объ этомъ фондѣ.

Знаемъ, что этимъ маленькимъ фондомъ мы не въ силахъ отереть всѣ слезы попавшихъ въ бѣду товарищей, но если намъ удастся ежегодно улучшить положеніе хоть одной бѣдствующей семьи, то, думаемъ, и это будетъ благимъ дѣломъ.

Въ связи съ вопросомъ о матеріальной помощи товарищамъ поднять былъ вопросъ о моральной поддержкѣ. Здѣсь особенно ярко выступаетъ нужда въ своемъ специальномъ изданіи, которое бы являлось выразителемъ средней и нижней духовной школы. Въ Россіи школы всѣхъ вѣдомствъ, кажется, имѣютъ свои журналы, одна лишь средняя духовная школа остается безъ своего изданія. Академическіе журналы не должны идти въ счетъ. Во-первыхъ, это ученныя изданія. Правда, и намъ любезно иногда предоставляютъ здѣсь страницы, но это, конечно, нѣкоторое самопожертвованіе со стороны редакцій. А во-вторыхъ, и это самое главное,—большинство насъ педагоговъ привыкли смотрѣть на академическіе журналы съ нѣкоторой робостью и потому немногіе

рѣшаются просить себѣ мѣста на страницахъ этихъ изданій. Вотъ почему намъ необходимъ свой педагогическій журналъ, гдѣ бы каждый изъ насъ не стѣснялся подѣлиться своимъ опытомъ, своими сомнѣніями и переживаниями. Теперь идетъ коренной вопросъ о реформѣ духовной школы, а между тѣмъ въ разрѣшеніи этого вопроса совсѣмъ почти не слышно голосовъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ—педагоговъ школы. Бояться особой скудости этого изданія едва ли можно: вѣдь насъ педагоговъ большая рать. Все дѣло въ деньгахъ. Но мы полагаемъ, что школьное дѣло такъ важно, что наше начальство (Учебный Комитетъ) долженъ бы намъ дать субсидію, какъ субсидируетъ Училищный Совѣтъ „Народное Образование“. Свой журналъ скорѣе сплотилъ бы насъ, расшевелилъ и оживилъ. Онъ отображалъ бы всю нашу жизнь съ ея свѣтлыми и тѣневыми сторонами. Отсюда мы, между прочимъ, узнавали бы о всѣхъ перемѣнахъ въ судьбѣ товарищей. Съ нами не случалось бы того, что встрѣтилось сейчасъ на нашемъ съѣздѣ: никто не могъ сообщить о судьбѣ семействъ скончавшихся товарищей. Порой и рады бы помочь, да не знаешь, куда адресоваться...

Съ слѣдующаго дня начался уже разъѣздъ по домамъ. На прощаньи рѣшено было, чтобы черезъ десять лѣтъ снова собраться, если возможно, и съ семьями. А чтобы не растерять другъ друга, согласились о всякой перемѣнѣ по службѣ увѣдомлять П. С. Чулкова, который охотно согласился быть нашимъ связующимъ центромъ...

Оглядываясь теперь назадъ, невольно спрашиваешь себя, оправдалъ ли съѣздъ возлагаемыя на него надежды, имѣть ли онъ вообще какой смыслъ. Тѣмъ настойчивѣе стоятъ эти вопросы, что ихъ задавали не разъ и посторонніе. Мое личное глубокое убѣжденіе, что смыслъ періодическихъ съѣздовъ товарищей есть, и не малый, и я благодарю судьбу, что она не помѣшала мнѣ пробыть эти дни подъ кровомъ дорогой для меня Академіи, въ кругу близкихъ мнѣ лицъ. Когда собирались мы ѣхать на съѣздъ, то не задавались особенно широкими планами. Вотъ почему мы и не вынесли какихъ-либо широкообъщательныхъ резолюцій, которымъ въ большинствѣ случаевъ не приходится видѣть осуществленія. У насъ была своя маленькая цѣль—взаимной поддержкой подкрѣпить другъ друга на тяжеломъ жизненномъ пути. И

я вѣрю, что эта цѣль достигнута. То не секретъ, что въ рѣдкихъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній есть настоящая корпоративная жизнь. Тутъ трудно встрѣтить безкорыстную поддержку. И вотъ мысль невольно уноситъ къ днямъ юности, къ золотому времени студенчества, когда всѣ мы составляли единую дружную семью. Эти братскія чувства мы и имѣли случай подновить теперь личнымъ свиданіемъ. Отраднѣй становится на душѣ, чувствуешь, что вырастаютъ крылья и бодро идешь на жизненный путь, не страшась бурь и непогоды. Опустятся въ изнеможеніи руки, вырвется изъ наболѣвшей души стонъ, какъ у Гоголевскаго Остапа: „батько! слышишь ли ты все это!“ И чувствуешь, что отовсюду—изъ Бахмута и Острога, изъ Нолинска и Самары, изъ Оренбурга и Иркутска несетя одинъ одобряющій отвѣтъ: „слышу!“ Ради этой только моральной поддержки стоитъ поѣхать за четыре-пять тысячъ верстъ. И какъ жаль тѣхъ изъ товарищей, кто хотѣлъ быть съ нами и не могъ этого сдѣлать по независящимъ обстоятельствамъ. Хочется вѣрить, что когда въ другой разъ раздается кличъ о съѣздѣ, и они придутъ къ намъ со своими радостями и горемъ.

„Братцы! слышите ли вы все это?!“

И. Фигуровскій.
